

НО НЕЙМ

EXURGE DOMINE
ET JUDICA CAUSAM TUAM

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Но Нейм Черный человек

<https://litres.ru/74464418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инквизиция была создана во славу Веры и для ее защиты. Благими намерениями...

Прошло двести лет - во главе борцов с ересью встал Томас Торквемада.

И запылали бесчисленные костры. И исчезают без следа люди. Не столько грешники, сколько ученые, лекари, художники. Сами Небеса ужаснулись происходящему.

На земле воплощен Падший Ангел, чтобы остановить наступающую Тьму.

Но неизвестно, где ее источник - при троне Изабеллы Кастильской?

В Священном трибунале по борьбе с ересью в окружении Торквемады?

Или в самом Ватикане, где на другом троне белый снаружи, но черный внутри сидит Понтифик Александр Шестой?

Так кто из них есть Черный человек?

И кто скрыт внутри него - алчущий власти фанатик?

Безумец, одержимый демоном?

Или что-то совершенно иное?

А по пыльной дороге под мрачным небом идет человек в
выцветшей черной монашеской рясе...

Кто он и какова его роль в этой страшной эпохе?

Содержание

+ Пролог 1 Забирают лекаря	5
+ Пролог 2 Монах идет по дороге	7
+ Пролог 3 Исчезновение Посланника	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Но Нейм

Черный человек

+ Пролог 1 Забирают лекаря

1494 год от Рождества Христова.

Где-то в объединенном Королевстве Кастилии и Арагона.

Прямо через городскую площадь тащили человека.

Он почти не сопротивлялся, не пытался вырваться. Двое рослых монахов в черных рясах крепко держали его под руки за плечи и уверенно шли вперед. А его ноги семенили, не всегда доставая до земли и заплетаясь.

Он крутил головой, то ища глазами хоть какого-нибудь заступника в толпе, то пытаясь поймать взгляд церковников. Тщетно. Он все же что-то бормотал, что-то еще пытался объяснить. Что это ошибка. Что он ни в чем не виноват...

Толпа расступалась перед ними.

«Именем Инквизиции!» время от времени низким хриплым голосом провозглашал один из пленителей. И этого было достаточно.

Монахов было всего двое, горожан — много, десятки, может даже сотня людей всех возрастов и сословий. Многие знали того, кто сейчас столь безуспешно искал в толпе под-

держки, защиты. Многие приходили к нему за лекарством или советом долгие годы.

Но никто не осмеливался не то, что попытаться их остановить, но даже спросить, что происходит и за что забрали лекаря.

Никто.

Потому что все знали — если Инквизиция пришла, надо стоять молча. А лучше — вообще скрыться с глаз долой. Чтобы случайно не обратить и на себя внимания.

Иначе в следующий раз они придут за тобой.

Монахи довели несчастного до коновязи у церкви, отвязали лошадей, один скрутил руки лекаря веревкой, привязал к луке седла...

Горожане против воли стояли и смотрели, как двое всадников выезжают из города по центральной улице, а за ними, поднимая пыль и спотыкаясь отчаянно бежит человек, пытаясь не отстать и не упасть на землю...

Пока еще живой человек. Но, для всех — уже почти мертвый.

+ Пролог 2 Монах идет по дороге

За полгода до этого.

Поздняя осень. Пыльная дорога вдоль границы степи и леса неподалеку от Кордовы, что в южной Андалузии. Ветер гоняет пожелтевшую, опадающую листву. Серые облака бегут по темнеющему небу. Близится ночь.

По дороге идет человек, ступая основательно и размерено. Он высок ростом и широк в плечах.

На нем монашеская ряса. Черная и выцветшая. Капюшон надвинут на глаза и лицо скрыто. Лишь квадратный подбородок выступает из тени и видна узкая, прямая линия рта. Уголки губ чуть опущены вниз. В руках тяжелый посох.

Случайному прохожему вряд ли захочется обратиться к такому монаху за благословением.

Пришлым лихим людям, что промышляют на дорогах он тоже скорее всего не будет интересен.

Сразу видно – беден, угрюм. Что с него взять?

А толстый, узловатый посох из странного, черного дерева слишком смахивает на дубину, которая в сочетании с сажеными плечами наводит на мысли о том, что добыча бывает легкая и не очень.

А бывает, что и не добыча вовсе. И лучше бы не ошибиться.

Но то пришлым лиходеям.

А местным разбойникам, которых, что греха таить, тоже хватает в округе, несмотря на исправно служащую, да только не слишком многочисленную городскую стражу, подобные мысли давно уже не приходят.

Лет десять уже.

Так как все на тридцать миль вокруг знают этого монаха-странника.

Хотя не имени его, ни возраста не ведают, рода-племени на слыхали.

Но каждый год, как сходят снега, он приходит в город и деревни окрестные. Нанимается к местным хозяевам на работу.

На самую простую и тяжелую. Пашет землю, валит лес, корчует пни. Расчищает русла рек и ручьев от завалов, копает и устраивает колодцы. А надо — рубит дрова. Ладит мебель.

Поначалу удивлялись люди - вроде монахи пожертвованиями да проповедями живут. Хотя может он из ордена терциариев? Они ближе к миру, хотя и монашествуют. Но собственность имеют и труд с благотворительностью сочетают. Однако спросить прямо как-то никто не решился.

Но глава городской в самом начале его к себе приглашал, да расспрашивал. О чем - неизвестно, с другими не делился. Но после разговора объявил, что доверие к тому есть, препятствий не чинить. И потом в ближнем кругу обмолвился,

что у странника этого вроде как обет такой. Грех какой-то свой исправляет.

И берет монах с тех пор у горожан работу. За плату никогда не торгуется, сколько предложат – соглашается. Вообще говорит мало. Совсем мало. Хотя вроде как, говорит все-таки. Или нет?.. Взглядом, да жестами. И как-то его понимают...

Вперед аванс не требует. Одно только условие – уговор о работе и оплате при свидетелях произнести и рукопожатием скрепить. И расчет также. Доволен хозяин – платит, недоволен – при свидетелях объявляет, что не так и даром сделанное получает. Все в его совести.

Где зимой тот монах обретается никому не ведомо. А с весны до осени живет за городом у границы леса в срубе простом, который много лет назад сам поставил. Или в шалаше быстро собранном, где работу ведет, если далеко она. Работает с рассвета до заката. Дело делает честно и быстро. Поэтому и платят ему честно.

Поэтому и еще потому, что в первый год один из первых заказчиков, местный богач, многими нелюбимый, потому как был гоношистый и не всегда чистый на руку, пообещал одно, а как время расчета пришло, вынес платить половину. Прямо при народе, при свидетелях. На площади базарной, у лавки своей, как раз дело к концу дня шло.

Год, сказал, неурожайный. Денег нет совсем. Сказал и стоит, смотрит, довольный. Мол, как ты, монах? Что ты теперь

- уговаривать меня станешь? Или совестить? Или грозить?

Люди, кто при этом был, головами покачали, некоторые зароптали. Но не вмешиваются – дело чужое. Переглядываются, кто с укоризной на бессовестного, кто с любопытством на монаха.

А монах ни слова не сказал. Половину предложенную не взял. Молча протянул руку хозяину. Тот решил, что смирился монах. Выдохнул, ослабился и небрежно руку барскую подает. А монах принял дряблую ладонь богача в свою, с лопату шириной. И сжал. Медленно, понемногу добавляя силы. Как в тисках железных, если неспешно, да плавно рычаг закручивать. Сначала рука скряги побелела, потом стала синеть, а лицо – краснеть. Дыхание сбилось.

Смешки в толпе пошли, были видно те, кто также обделен был этим или может каким другим хозяином, слово не держащим.

И тогда монах его за эту руку к себе подтянул. Так что тот на цыпочках засеменил. Заглянул жадный богач ему в глаза, что под капюшоном в тени таились. И что-то такое там увидел, что вмиг из красного белым стал. Забормотал скороговоркой. Что сейчас найдет деньги, что у купца знакомого займет, что уговор и слово держать надо. И он держит. Просто сказал не подумав. И еще что-то лепетал.

А монах не торопился руку возвращать, с минуту еще подержал. Пока лепет всхлипами не сменился, а рука из синей в черную превращаться не стала. Тогда только отпустил.

И осел хозяин на землю, ноги подкосились, руку к груди прижимает, словно ожог на ладони у него. Долго сидел, вокруг глядел бессмысленными глазами. А как через несколько минут рассудок к нему вернулся, он вдруг вскочил, побежал в дом и скоро совсем выбежал, деньги вынес. И не как договаривались, а вдвое больше. И смотрел теперь совсем иначе. Даже не со страхом, а с оторопью какой-то на ужасе замешанной. Протягивает деньги, а рука дрожит мелко.

Монах деньги счел и взял ровно сколько уговорено было. Остальное обратно в ладонь хозяина дрожащую положил и другой рукой накрыл. Еще раз взглянул богачу в глаза, молча кивнул. Но вроде как не тому, а мыслям своим каким-то. Развернулся и пошел своей дорогой.

А богач с тех пор стал заикаться, да заговариваться иногда. Правда зато характером, вроде как, спокойнее стал, смиреннее что-ли.

Вроде ничего особенного не случилось. И богач не жаловался. И градоначальник, которому доложили люди верные, ничего не сказал, только головой покачал, да усмехнулся.

Но с тех пор никто более слово данное монаху нарушить не пытался. На дороге с ним все вежливо расходились. Кто попроще – бывало рукой помашет или поклонится. Кто поосновательнее – кивнет, шапку приподнимет. С уважением. А может и опаской некоторой. Хотя это вряд ли. С чего бы?

Ведь ни разу за многие годы, никому в городе не было от него ни ущемления, ни обиды какой. Жил он на особицу.

Был спокоен, молчалив и нелюдим. Но дело делал верно и за это ему многие благодарны были. И голова городской в том числе. Который в жизни много чего повидал и умел различать добрых людей от скверных.

Монах был примерно на полпути к своему дому, что стоял в двух милях от города. Смеркалось. Тут что-то замедлило его шаг. Он остановился. Поднял голову словно прислушиваясь. Постояв с минуту, двинулся дальше.

Когда четверть часа спустя он подошел к дому, границы земли которого были по четырем углам обозначены высокими черными столбами, покрытыми странной вязью узора, то увидел привязанного к дереву гнедого коня. А рядом стоял высокий статный господин. Темно-синий камзол, черный плащ, шпага. Каштановые волосы, волевое лицо. Жесткий взгляд прищуренных глаз изучал монаха, который подойдя остановился и оперся на посох.

+ Пролог 3 Исчезновение Посланника

Несколько дней спустя всадника в темно-синем плаще на гнедом жеребце видели въезжающим в Севилью. Путь его лежал к замку Триана, к Трибуналу священной канцелярии инквизиции. Он беспрепятственно вошел в замок, лишь показав что-то страже у входа, но долго там не задержался. Ибо не застал того, с кем искал встречи.

Вечером того же дня он уже выезжал из города на север.

Но на два часа раньше него в том же направлении направился невзрачно одетый гонец, что пустил коня быстрой рысью. Три часа спустя гонец пересел на свежую лошадь, которую ему без единого вопроса, вывел угрюмого вида конюх в придорожном трактире. А еще через тридцать миль, на другом постоялом дворе его ждала следующая смена лошади.

Всадник же продолжал путь на своем гнедом жеребце, потому вынужден был делать остановки. Обедал в том самом трактире, ночевал на следующем постоялом дворе. Вот почему лишь на следующий день ближе к вечеру, преодолев почти шестьдесят миль, он приблизился к предгорьям Сьерра-Морена.

Оказавшись на одной, вроде бы ничем не примечательной

развилке, он на некоторое время задержался, затем достал какой-то свиток, заглянул в него, похоже, сверяясь с картой и свернул на восток, на едва заметную тропу, зачем-то покинув торную дорогу.

Если бы наблюдатель, которого чем-либо заинтересовал этот господин с военной выправкой и лицом человека, с которым лучше не связываться, проследовал за ним, то обнаружил бы, что буквально через двести метров тропинка вдруг расширилась и превратилась в достаточно широкую дорогу с плотно утоптанной землей и еще не стертыми следами проехавшего два-три дня назад отряда всадников.

А примерно час спустя он бы увидел, как деревья, обрамлявшие дорогу расступились и взгляду путника вдруг открылась пустошь, покрытая пожухлой травой с тут и там видневшимися бурыми пнями, оставшимися от десять, а то и больше лет назад проведенной вырубки.

А вдалеке, примерно через милю высились мрачные темно-серые стены то ли крепости, то ли монастыря прижимающегося обратной своей стороной к скалистым предгорьям. И становилось понятно, что деревья были вырублены для того, чтобы единственный подход к цитадели был открыт на много сотен шагов, так, чтобы никто не смог подойти, подъехать, приблизиться незамеченным.

Всадник не знал, что гонец, еще накануне вечером прибыл в монастырь.

Однако, словно предчувствуя неясную угрозу всадник в

темно-синем плаще сбавил ход. Пустив коня шагом, он медленно приближался к твердыне. Десять минут спустя остановился напротив ворот, оглядывая тяжелые створки, над которыми нависал овальный щит с изображением грубо срубленного креста, оливковой ветви слева и длинного меча, направленного острием вверх, справа. Увидев этот щит всадник замер. А затем поднял взгляд к бойницам на стенах.

Время тоже замерло. Очень долго ничего не происходило.

Затем раздался тихий посвист в несколько голосов и всадник, опрокинувшись с коня назад, упал на землю. В его груди торчало три стрелы, еще одна вошла в горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.